

Александр Грин

Огненная вода

Александр Степанович Грин

Огненная вода

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172484

Грин Александр. Романы. Рассказы: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-28577-8

Содержание

I	4
II	8
III	10
IV	13

Александр Грин

Огненная вода

I

К главному подъезду замка Пелегрин, описав решительный полукруг, прибыл автомобиль жемчужного цвета – ландо.

В левом его углу с подчеркнутой скромностью человека, добровольно ставящего себя в зависимое положение, сидела молодая женщина с серьезным, мелких черт, лицом и тем оттенком улыбки, какой свойствен сдержанной душе при интересном эксперименте.

Она была не одна. Господин с лысиной, выходящей из-под цилиндра к затылку половиной тарелки, с завитыми вверх, лирой, усами и тройным подбородком, уронив, как слезу, в руку монокль, оступися, и, подхваченный швейцаром, вновь вскинул стекло в глазную орбиту, чопорно оглядываясь.

Швейцар звонком вызвал лакея, презрительно поджав нижнюю губу, что, впрочем, относилось не к посетителю.

– Нижайшее почтение господину нотариусу, – сказал он почтительным, но несколько фамильярным тоном сообщника. – Все в порядке.

– В порядке, – повторил нотариус Эспер Ван-Тегиус. – Шутки долой. Пока не пришел кто-нибудь из этой банды, говорите, как дела.

– Во-первых, идут какие-то проделки и стоит кавардак. Во-вторых, совещание докторов окончилось ничем. Я подслушивал у дверей с негром Амброзио. Смысл решений такой, что «нет никаких оснований».

– А... Это печально, – сказал Ван-Тегиус. – Профессор Дюфорс еще меня не известил обо всем этом. – Удар! Последнее средство... – Он обернулся и кивнул даме в автомобиле, махнувшей ему ответно концом вуали. – Ну, что еще? Настроение? Факты?

В далях заднего плана раскатисто заскакало эхо ружейного выстрела, сопровождаемого резким криком.

– Факты? – сказал, вздрогнув, швейцар, и его гладстоновское лицо передернулось, как кисель. – Вот и факты. Утром он убил восемь павлинов, это девятый.

– Но что же...

– Тс-с...

Где-то сверху лестницы уставился в ухо нотариуса пронзительный свисток, ему ответил второй, и по лестнице, припрыгивая и катясь ладонью по гладким мраморным перилам, спустился бритый человек с лицом тигра; его кожаная куртка и полосатая рубаха были расстегнуты; широкие штаны болтались вокруг огромных ботов с подошвой в три пальца. Копна полуседых черных волос была стянута малинового

цвета платком. Дым шел одновременно из трубки и рта, так что человек спустился как бы на облаке.

Невольно Ван-Тегиус увидел за его спиной призрак подбострастного маркиза в шелковых чулках и красной ливрее, но лакеев этого типа не найти было более в Пелегрине.

– Что здесь происходит? – спросил страшный слуга.

– Нет ни абордажа, ни драки дубовыми скамейками, – с ненавистью ответил швейцар, – просто посетитель, ничего более. Да. Может быть, вы взберетесь по вантам доложить о его прибытии? Нотариус Ван-Тегиус.

Страшилище почесало затылок.

– Я хочу видеть по делу владельца, Эвереста Монкальма, – заявил нотариус, намеренно избегая титула.

– Пойду скажу, – задумчиво ответил матрос, – не знаю, что будет.

Он исчез, шагая по три ступеньки; тем временем швейцар сообщил еще кое-что интересное: уволено тридцать слуг, взамен их Монкальм выписал откуда-то человек двадцать матросов, которые и делают, что хотят. Этикет уничтожен; исчезло малейшее подобие знатности и величия. Недавно едва не затравили собаками директора кинематографической фирмы, приехавшего со свитой и актерами просить разрешения снять в древнем гнезде маленькую комедию. Жена Монкальма, эта «темная особа низкого происхождения», как выразился швейцар, вчера самолично руководила на кухне приготовлением кушанья, изобретенного ее мужем. Сам не

терпит никаких возражений и указаний. Звонки заменены свистками и трубными сигналами. Все это хлынуло дождем безобразия за три недели, как только изгнанный пятнадцать лет назад за многочисленные художества Эверест по непонятному капризу его дяди стал полным и единственным наследником.

– Гм... гм... – сказал Ван-Тегиус, затем вышел к автомобилю, пошептался с дамой и вернулся в момент, когда ему сверху махнули рукой идти.

II

Он все-таки ожидал еще по старой привычке, так как не раз бывал здесь, что с блаженным и торжественным чувством погрузится в бездны темной стенной резьбы, простора внушительных и величественных предметов с гулким эхом шагов. Отчасти это и было так с той поразительной и всему придавшей иной вид разницей, что во всех помещениях стоял яркий, дневной свет. С удалением темных цветных стекол и заменой их прозрачными залы, казалось, сверкали вихрем желтых и голубых перьев. Чинно выступая вслед развалистой походке морского бродяги, Ван-Тегиус, несколько струсив, прошел сквозь строй коек, составленных пирамидой ружей, и матросов, игравших в карты, прихлебывая вино, – это была охрана Монкальма. Вдали, на коротком просвете анфилады, промчалась горничная с паническим лицом. В одной гостиной стояла огромная палатка, внутри ее виднелась походная мебелировка пустыни; пальмы в кадках, сдвинутые вокруг, являли вид комнатных тропиков.

Следующая комната, путь к которой шел по небольшой лестнице, показала наконец Ван-Тегиусу более кроткое зрелище. Здесь, полулежа на ковре, подпирая маленькой смуглой рукой голову, расположилась пышно-непричесанная, но в бальном платье, шлейф которого был занят двумя книгами, женщина или, вернее, девочка, ставшая женщиной на сем-

надцатом году жизни. Все шкафы здесь были открыты, и их музейное содержание – фарфоровые фигурки зверей и людей – образовало перед лицом странной особы маленькую цветную толпу, которую она заботливо группировала в какие-то сцены, по-видимому, придавая этому большое значение. Увидев Ван-Тегиуса, она сердито смутилась и грациозно приподнялась, затем встала, сложив руки назад.

– Это пленник? – сказала она серьезно. – Что он сделал?

– Ничего, идет себе, – ответил матрос, – только это не пленник.

Нервно смеясь, угадывая, что видит жену Монкальма, нотариус отвесил театральный поклон и хотел назвать себя, но женщина, покраснев, махнула рукой.

– Идите, идите, я потом приду, – заявила она и отвернулась, очаровательно заалев.

Путь среди этих чудес был пыткой. Наконец она кончилась. Ван-Тегиус, расстроенный, но крепко решившийся, вошел в колоссальную библиотеку, где у раскрытого окна с винтовкой в руках стоял сам Эверест Монкальм, нелюбимый и изгнанный сын Монкальма, одного из трех великих дюжин страны.

III

Он был в турецком костюме, чалме и низких сафьяновых сапогах. Его широкое нервное лицо с прищуренным, как на солнце, взглядом отражало весь его беспокойный, неукротимый характер; сложенный красиво и сильно, он двигался, как порыв ветра, говорил громко и медленно.

– Ван-Тегиус, – сказал он, вывихивая рукопожатием плечо нотариуса. – Надоели павлины. Их крик ужасен. Что скажете?

Они сели, причем Монкальм уронил свою винтовку, но не поднял; стук, заставив нотариуса вздрогнуть, помог ему начать в темп встречи, – и сразу:

– Эверест, – сказал он, – я знал вас ребенком. Не будем говорить о печальных обстоятельствах...

– Что же печального? – перебил Монкальм. – Обыкновенный блудный сын. Деликатное изгнание с пенсией. Нежелание обручиться с девой, безрадостной, но богатой...

– Молодость Генриха Четвертого, – разрешил себе обобщить Ван-Тегиус, – побеги на рыболовных судах...

– Я откровенно скажу, – снова перебил Монкальм, – пятнадцать лет сделали меня таким, каков я теперь. Со мной Арита. Это моя жена. Я нашел ее в темном углу с пыльным золотым светом. Больше мне ничего не надо. Кстати, – сказал он таинственно, – заметили палатку?

– О, да.

– И военный постой?

– Хм... конечно.

– Ну, так это она. Ей хочется, чтобы все было «как на корабле». Вахта. И пустыня, где она не бывала; поэтому соорудили палатку. Не стоит мешать ей.

– Я удостоился, – с улыбкой сказал Ван-Тегиус, – удостоился вопроса, – «не пленник ли я?»

– Ну да, – ответил, быстро подумав, Эверест. – Это замок. У нее все спуталось в голове. Она, может быть, ждет драконов, – почему я знаю? Вы знаете, – просто сообщил он, – что здесь все смеются над нами. Однажды меня не было. Ей подали обед в парадном порядке, но с издевательством. От поклонов, услуг и титулования она не могла есть; она сидела и плакала, так как растерялась. Узнав это, я выгнал всех хамов и заменил их старыми своими знакомыми. Вас привел Билль. Он был, правда, пиратом, но мимо спальни проходит на цыпочках.

– К сожалению, – сказал нотариус, – ваш образ жизни, бесцеремонный уход с праздника у сестры вашей, герцогини Эльтрат, в сопровождении забулдыг, ваше нежелание посетить влиятельных лиц и многое другое – отвратило от вас много дружественных душ.

– О, – сказал Монкальм и наивно прибавил: – Правда. Невероятно скучны эти кисляи. Я делаю, что хочу. Хотите, мы вам сейчас споем хором «Песню о Бобидоне, морском

еже»?

– Нет, – вздохнул Ван-Тегиус. – Я уже стар. Монкальм, я приехал с кузиной вашей, Дорой дель-Орнадо. Она в автомобиле, так как боится войти.

Взгляд, подобный пощечине, и срыв Монкальма в хлопнувшую, как стрела, дверь был ответом. Ван-Тегиус пробыл один около десяти минут, пока Эверест вернулся в сопровождении легко и мило выступающей женщины, видимо, взволнованной тем, что предстояло сказать.

– Меня не надо бояться, – сказал Монкальм, двигая уда-ром ноги кресло для посетительницы.

Затем нотариус приступил к делу и рассказал, что, умирая, дядя Эвереста ввиду невозможности быстро переделать завещание, сделанное в пользу племянника, призвал его, Ван-Тегиуса, и ее, Дору дель-Орнадо, и заставил поклясться, что устное его пожелание будет передано племяннику.

IV

Оказалось, что игра вышла навверняка. Молодая женщина успела только сказать:

– Дорогой Эверест, мое положение тяжело. Я не посягаю на все и не имею права, но я прошу вас сделать, что можно.

В этот момент вошла Арита, робко потянув дверь. Эверест удержал ее рукой за плечо. Она прошла вперед, упираясь головой в подмышку гиганта, с застенчивым и прелестным лицом, полным неловкости.

– Душа моя, – сказал Монкальм, подмигивая нотариусу и кузине, – мы завтра уезжаем с тобой в Гедарк, в новое путешествие.

– При полном ветре, – сказала она. – И вы с нами?

Смех, короткое представление, два-три ненужных слова, – и посетители удалились.

– Ваш расчет верен, – сказала нотариусу Дора с чувством, смотря на его деловитое, улыбающееся лицо, когда автомобиль тронулся. – Нас даже не провожали, однако.

– Как? Разве вы не видели? Впрочем, я понимаю ваше волнение. За нами шел Билль, этот мрак в образе человека.

– Итак, вы...

Она обернулась на Пелегрин с выражением охотника, повалившего тигра.

– Так просто, – сказал Ван-Тегиус. – Ох, уж эти романти-

КИ...

1917 г.